

А. И. Казанков, О. Л. Лейбович*

ТРИ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ АГАФОНОВА: ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

doi: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-109-117

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

В статье на материалах архивных источников, относящихся к событиям первой половины XX в., производится реконструкция жизненного пути Н. П. Агафонова. Целями работы являются определение соотношения индивидуального и социального в биографической траектории человека, анализ процесса эго-трансформации в конкретном историческом контексте. Методология исследования предполагает использование автобиографического нарратива, сформированного в процессе следственных действий, осуществлявшихся органами ОГПУ–НКВД в 1929 и 1937 гг. Особый интерес для историков представляет судьба Н. П. Агафонова, потому что за треть века он трижды менял идентичность: в начале столетия Н. П. Агафонов реализует себя как социал-демократ, активный участник революционного подполья в Санкт-Петербурге и Перми в 1905–1907 гг.; после поражения партии избирает для себя музыкально-драматическую карьеру; в годы гражданской войны постригается в монахи. В досоветскую эпоху Н. П. Агафонов ведет себя как конформист, внутренняя эволюция которого конгениальна изменениям, происходящим в социальном кругу демократической молодежи. Турбулентный характер событий гражданской войны не позволяет ему сделать по-обывательски разумный, обусловленный социальным окружением выбор. При советской власти он в чине иеромонаха обличает колхозный строй, призывает прихожан быть крепкими в вере и выражает надежду на возвращение старых добрых времен, за что подвергается репрессиям со стороны карательных органов.

Ключевые слова: *XX век, эго-история, идентичность, социальное и индивидуальное, социал-демократ, артист, иеромонах Агафонов, репрессии*

Время трудно воспринять именно как время. Часто диахрония в антропологическом измерении реализуется через пространственные метафоры, как перемещение кого-то или чего-то из одного локуса в другой.¹ В европейской культуре, начиная с самых архаических ее стадий, складывается своеобразный метанарратив «странствий героя»: Одиссей возвращается в Итаку, Авраам покидает Ур Халдейский, рыцари круглого стола ищут Святой Грааль. На заре Нового времени хитроумный идалго Алонсо Кихано пускается в путь по родной Ла-

манче. В России Александр Радищев путешествует из Петербурга в Москву, а Петр Гринев в заснеженных оренбургских степях все приближается «к месту своего назначения». Именно реализуя свое предназначение, или, если угодно, судьбу, герой словно *избывает* время, оказываясь в разных местах.

Там его ждут «суровые испытания» (пожалуй, самый распространенный литературный штамп в биографическом жанре) и в каждом испытании герой зримо и ярко демонстрирует свое *героическое* начало, показывая себя как хитроумного сына Лаэрта, благородного Дон Кихота или русского дворянина, приученного беречь честь смолоду. В этом и заключается главный недостаток пространственной метафоры: смена локаций происходит, время избывается, а сам герой оказывается не затронутым этим процессом. Он не *временится*, не изменяется. Не заполненное внутренним становлением человека время остается пустым и внешним «четвертым измерением».

Казалось бы, вполне академический биографический жанр в современном историческом знании должен быть лишен этого недостатка *a priori*. Но, возможно, это не совсем так. Работающий в биографическом жанре историк так или иначе всегда сталкивается со значимой,

¹ См., напр.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Казанков Александр Игоревич — к.филос.н., доцент кафедры культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры (г. Пермь)
E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Лейбович Олег Леонидович — д.и.н., г.н.с. лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

* Исследование выполнено О. Л. Лейбовичем за счет гранта РНФ, проект № 19-18-00221 «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте» (рук. Н. В. Суржикова)

но не всегда подвергаемой рефлексии методологической проблемой. Коротко ее суть можно сформулировать следующим образом: как сочетается принципиальная проспективность жизненного опыта человека, всегда открытого еще не определенному будущему, со столь же принципиальной ретроспективностью биографической реконструкции? В ней позиция автора (историка) зафиксирована так, что это возможное будущее (для героя) уже является вполне определенным прошлым (для исследователя).²

Этот подход позволяет соотнести историю человеческой жизни с эволюцией «больших общественных тел», показать воздействие объективных макропроцессов, *логики времени* на индивидуальную биографическую траекторию. Ретроспективная поздняя мудрость биографа позволяет понять, что случилось с жизнью героя. Но она редко, или даже никогда не позволяет увидеть, что случилось в жизни героя. Или, точнее, так — в жизненном мире героя.³ Как он осмысливал и понимал происходящее вокруг? Как именно *так увиденное* происходящее изменяло его *modus vivendi* и *modus operandi*? Возможно, даже уместен вопрос: имеем ли мы дело на всем протяжении биографии с одной и той же личностью? Ведь дисконтинуальность хронотопа жизненного мира допускает, что он может сворачиваться и коллапсировать. В конце концов, как бы ни воздействовали на человека «большие общественные тела», что-то зависит и от его собственного выбора.

Однако стремление включить в биографический дискурс истолкование таких феноменов, как жизненный мир, внутреннее время, субъективное становление, личностное преобразование (смерть в старом качестве — возрождение в новом качестве), предполагает решение ряда источниковедческих проблем. Прежде всего речь идет о привлечении особого вида источников — эго-документов. По своему происхождению их правомерно разделить на созданные по воле автора либо по принуждению властной инстанции.⁴

К «спровоцированным эго-документам» можно отнести материалы инквизиторской антропологии.⁵ В нашем случае в роли инквизиторов выступают сотрудники Чусовского и Оханского районных отделений ОГПУ–НКВД СССР (работавшие на территории современного Пермского края в 1920–1930-х гг.), а в центре исследования находится фигура Николая Павловича Агафонова, человека, неоднократно подвергавшегося властным репрессиям. В документах ОГПУ–НКВД он фигурирует как Нифонт (имя, взятое при принятии пострига), «позднее он принял великую схиму с именем Кирилл».⁶ Если верить самому Н. П. Агафонову, его привлекали к дознанию еще в период первой русской революции. Однако в Государственном архиве Пермского края (ГАПК) в фондах Пермского губернского жандармского управления МВД и Пермского охранного отделения никаких сведений не сохранилось. При советской власти его подвергали аресту трижды: Пермским ГубЧКа в 1921 г. (дело нами не обнаружено), Пермским окружным отделом ОГПУ в 1929 г. и Оханским райотделом НКВД в 1937 г.

Архивно-следственные дела Н. П. Агафонова находятся на хранении в Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ) в фонде 641/1. В процессе дознания 1929 г. следователя не заинтересовало дореволюционное прошлое иеромонаха Нифонта. Зато в 1937 г. оперуполномоченный райотдела НКВД подробно расспросил его о прошлом. В результате в нашем распоряжении оказался пространный мемуар, едва ли подвергшийся редакции со стороны следователя, мало искушенного в истории российской социал-демократии. В протоколе не зафиксированы наводящие вопросы, допрашиваемого не пытаются уличить во лжи. Текст воспоминаний Н. П. Агафонова представляет собой единый рукописный корпус. И главное: в нем не содержится никаких компрометирующих материалов. Искажения в протоколе возникали по причине некоторой фонологической глухоты, например: вместо «Рейснер» слышалась и оказалась записанной фамилия «Леснер».⁷

² Подробнее см.: Walker D. A. *Biography of the Study of the History of Economic Thought // Research in the History of Economic Thought and Methodology*. 1983. Vol. 1. P. 41–59; Леви Дж. *Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории*. М., 1996. С. 191–206; Волков Е. В. *Документальное исследование о «брате-генерале»: новое в биографике Белого движения // История и архивы*. 2020. № 1. С. 126–139.

³ См.: Лейбович О. Л., Казанков А. И. *Понять повседневность: эвристический потенциал концепции в исследованиях советской эпохи // Вестн. Перм. ун-та. История*. 2017. Вып. 3 (38). С. 82–88.

⁴ См.: Никулин П. Ф. *Теория и методика источниковедения отечественной истории X — начала XX вв.: уч. пособ.* Томск, 2004. Ч. 1.

⁵ См.: Ле Руа Ладюри Э. *Монгайю, окситанская деревня (1294–1324)*. Екатеринбург, 2001.

⁶ Артемьев А. В. *Иеромонах Нифонт (Агафонов). Путь от социализма до креста // Вестн. Омской православной духовной семинарии*. 2017. № 1 (2). С. 92.

⁷ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6961. Л. 85. Протокол допроса обвиняемого Нифонта Агафонова от 10 августа 1937 г.

Фигура Н. П. Агафонова уже привлекала внимание исследователей.⁸ В агиографической публикации новомученика русской православной церкви начало его жизненного пути изложено следующим образом: «Пел и читал на клиросе в Юговской церкви. В 1901 г. Николай уехал в Петербург и поступил в консерваторию. До Февральской революции жил в Москве и служил артистом в одном из Императорских театров. В 1910–1917 гг. — артист и певец Московских, Ленинградских, Казанских театров. Друг Федора Ивановича Шаляпина. В 1917 г. оставил артистическую карьеру и вернулся на родину».⁹

Как будет показано далее, в этом тексте биография героя уже подверглась существенной деформации. Не исключено, что происходит это потому, что сам Н. П. Агафонов имел отмечавшуюся современниками склонность к мистификации: «Происхождение его весьма темное: некоторым он говорит, что родиной из г. Петрограда, и настоящее имя его Савелий, а другим говорит Николай».¹⁰

В действительности (без всяких мистификаций) жизненный путь Н. П. Агафонова отличается наличием нескольких резких разрывов (переломов). Он не просто претерпевал «суровые испытания», но, проходя через них, менялся сам. Настолько ощутимо, что, возможно, не будет преувеличением утверждение о том, что он прожил три жизни (к слову, трижды меняя имена). К сожалению, имеющиеся в распоряжении исследователей источники позволяют реконструировать только две из них.¹¹

В материалах следственного делопроизводства нет никаких сведений ни об обучении в консерватории, ни о дружбе с Ф. И. Шаляпиным. Зато там есть немало подробностей о его революционной юности, которую мы обозначим как его «первую жизнь». Но начнем мы не с нее.

Жизнь третья, она же последняя

19 ноября 1929 г. сотрудник секретного отдела Пермского отделения ОГПУ М. В. Корибин рапортовал своему начальнику — П. П. Покровскому:

«По имеющимся в СО агентурным материалам в бывшем мужском монастыре под названием “Саламатова гора” Чусовского района, Пермского округа, сгруппировался монашеский элемент, организовали приходскую общину и под видом белого духовенства до сих пор продолжают работу.

Руководителем проживающих там монахов является настоятель церкви, иеромонах, бывший артист императорских театров Агафонов Нифонт Павлович и два его постоянные подпевалы исполнители — дьякон-монах Овчинников Михаил Иванович и Андреев Паисий Алексеевич».¹²

Далее в рапорте указывалось, что официально закрытый в 1921 г. мужской монастырь продолжил существовать нелегально. Как это было возможно? Из документа следует, что находившаяся на территории монастыря церковь была передана церковной двадцатке («организовали общину прихожан»), а священник-настоятель, согласно действовавшему законодательству, был зарегистрирован в районном совете. Именно поэтому в деле трое фигурантов: настоятель, дьякон и псаломщик. Формально они состояли «служителями культа» при церкви, которая в следственном делопроизводстве именовалась Городищенской. Но церковь была расположена за пределами сельского поселения, при ней продолжали существовать странноприимный дом и кельи причта, сплошь принадлежавшего к монашеству. Это и давало основания сотрудникам ОГПУ квалифицировать священника и церковнослужителей как монастырскую общину и «контрреволюционное гнездо».

Именно в этом конкретно-историческом ландшафте появляются первые документированные свидетельства об иеромонахе Нифонте (Агафонове). Уже тогда, в 1929 г., о нем рассказывали легенды: «Личность он весьма темная, есть слухи, что он в 1900–1917 г. был членом социал-демократической партии меньшевиков, до третьего съезда партии работал вместе с Лениным, после которого ушел при расколе к правым, два раза сидел в царское время

⁸ См.: Артемьев А. В. Указ. соч. С. 91–95; Казанков А. И. Два маргинала: парадоксы провинциальной культуры первой половины XX века // Культура и власть в СССР, 1920–1950-е годы. М., 2017. С. 252–262; Он же. «Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать»: мемории западноуральских провинциалов о событиях начала XX века // Технологос. 2019. № 3. С. 7–27; Костина В. А. Духовный пламень Белогорья. Судьбы духовенства и монашества Земли Пермской XIX–XX вв. Пермь, 2015.

⁹ Артемьев А. В. Указ. соч. С. 92.

¹⁰ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 4. Протокол допроса свидетеля И. И. Неустроева.

¹¹ В ПермГАСПИ в фонде 641/1 находятся на хранении два групповых архивно-следственных дела: № 8891 (начато в 1929 г.) и № 6961 (начато в 1937 г.).

¹² ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 2. Рапорт начальника 1 отделения СО ОГПУ Пермского края от 19.11.1929 г.

в тюрьме. После Октябрьской революции скрывался от красных и приехал в Городище во время белых банд».¹³

В показаниях другого свидетеля обнаруживаем: «Помню я как-то сказывал один нищий, что он видел у монаха Нифонта книгу, на корках которой написано “Библия”, а внутри ее разные заметки из газет и записи его о настроении крестьянства и работе нашего с[ельского]/совета».¹⁴

А вот еще нечто совсем невообразимое: «А еще заходя к иеромонаху Нифонту случайно приходилось видеть у него в числе книг (которых надо сказать очень много) сочинение К. Маркса “Капитал” и вторую: “Жизнь и работа В. И. Ленина”,¹⁵ потом я не помню от кого слышал, что якобы Нифонт в зиму 1928/29 г. устраивал у себя тайные сборища нашего окрестного кулачества и занимались политикой, прорабатывая “Капитал” и Ленина».¹⁶

Уже эти показания современников заставляют предположить, что настоятель Городищенской церкви был человеком необычным, по меньшей мере. В Чусовском районе он был заметной фигурой, на его службы публика собиралась отовсюду и в большом количестве: «Помню мне, как местному общественному работнику и интересующемуся их жизнью пришлось вместе с др. проникнуть незаметно в великий пост — в апреле месяце с/г. на службу Городищенской церкви и недавно 5 ноября в празднование “Казанской божьей матери”, где было народа до 200 человек».¹⁷

Содержание проповедей знатока «Капитала», читателя В. И. Ленина и Е. М. Ярославского удивляло неприкрытой враждебностью к режиму: «Настали последние времена, в лице коммунистов и советской власти на землю пришел антихрист, скоро должен быть конец света. Нам, верующим во Христа всем надо спастись, объединиться в одну общую семью, сделать мощную из себя силу и сбросить с себя эту антихристову печать. Жить в миру с этими безбожниками стало невозможно, кругом обман, насилие, произвол, опутали нас рабскими путями и производят издевательства. Пусть

нас ссылают в ссылки, сажают в тюрьмы, издеваются над нами в наших селах, деревнях, мы должны все до известного момента перетерпеть и, объединившись воедино, дать решительный отпор, сказать свое христианское слово этому безбожью».¹⁸

Пафос проповедей Нифонта (Агафонова) находился в явном контрасте с образом повседневной жизни местных клириков. Свидетели рисуют яркие жизненные портреты монастырских насельников. Дьякон — «...вечно он пьяный, при этом особенно любит разговаривать про “баб”».¹⁹ Дьякон вместе с псаломщиком часто появлялся в деревнях, где оба вели себя совершенно непотребно: «...так напились, что дьякон и монах тут же за столом уснули и все перегадили».²⁰ Те же свидетели ничего подобного о Нифонте (Агафонове) не сообщали.

20 ноября 1929 г. сотрудники ОГПУ арестовали всех обитателей «нелегального монастыря». После короткого следствия Особое совещание при Коллегии ОГПУ СССР приговорило Нифонта Агафонова «к заключению в концлагерь сроком на три года».²¹

В 1932 г. после досрочного освобождения из лагеря он перебрался в д. Копыловку Оханского района Уральской области, где устроился сторожем в церкви и регентом церковного хора. В 1935 г. принял схиму под именем Кирилл. 5 августа 1937 г. в ходе «кулацкой операции» он был последний раз арестован Оханским РО НКВД.²² 13 сентября его приговорили к высшей мере наказания и вскоре расстреляли. Так закончилась третья, «церковная» жизнь Николая Павловича Агафонова.

В 1937 г. карательные органы проявили интерес к биографии арестанта, вынудив дать развернутые показания. Строго говоря, оперуполномоченный НКВД был не обязан этим интересоваться, но ему, по-видимому, стало просто любопытно. Благодаря этому у нас появилась возможность реконструировать те его жизни, которые очень отличались от последней.

Жизнь первая, социал-демократическая

В 1904 г. выпускник Пермского уездного училища, выдержавший экзамен на народного учителя, Николай Агафонов, молодой человек

¹³ Там же. Л. 4. Протокол допроса свидетеля И. И. Неустроева.

¹⁴ Там же. Л. 17. Протокол допроса свидетеля С. В. Третьякова.

¹⁵ Имеется в виду брошюра: Ярославский Е. М. Жизнь и работа В. И. Ленина. 23 апреля 1870—21 января 1924. Л.; М., 1925. Она неоднократно переиздавалась, в том числе и в 1929 г.

¹⁶ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 10. Протокол допроса свидетеля И. И. Неустроева.

¹⁷ Там же. Л. 14—140б. Протокол допроса свидетеля С. В. Третьякова.

¹⁸ Там же. Л. 14. Протокол допроса свидетеля И. И. Неустроева.

¹⁹ Там же. Л. 10. Протокол допроса свидетеля И. И. Неустроева.

²⁰ Там же. Л. 19. Протокол допроса свидетеля С. В. Третьякова.

²¹ Там же. Л. 74. Выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ СССР от 3 января 1930 г.

²² В статье А. В. Артемьева дата ареста (22 июля 1937 г.) указана ошибочно. См.: Артемьев А. В. Указ. соч. С. 92.

24-х лет от роду, отправился покорять Москву. Он поступил на службу в городскую думу «в качестве делопроизводителя и счетовода по хозяйственной заготовке дров для городских зданий».²³ Иными словами, он принадлежал к «третьему элементу». Этот термин был пущен в оборот «самарским вице-губернатором, г. Кондоиди, в его речи при открытии Самарского губернского земского собрания 1900 г., для обозначения лиц, “не принадлежащих ни к администрации, ни к числу представителей сословий”. Рост числа и влияния таких лиц, служащих в земстве в качестве врачей, техников, статистиков, агрономов, педагогов и т. п., давно уже обращает на себя внимание наших реакционеров, которые прозвали также этих ненавистных “третьих лиц” “земской бюрократией».²⁴ Для царской власти люди этого круга были подозрительны из-за свободомыслия и демократических симпатий.²⁵

На допросе в августе 1937 г. Николай Агафонов рассказал, что тогда он «вращался в кружках студенчества и занимался своим самообразованием и посещал разные нелегальные собрания, лекции», и в 1904 г. «...примкнул к партии большевиков. <...> сейчас я не помню, кто меня принял и предложил вступить в партию».²⁶ Полностью доверять этому свидетельству мы не можем. В 1904 г. окончательного разделения на большевиков и меньшевиков в местных социал-демократических организациях не произошло. Так, по мнению С. В. Тютюкина, «Конец 1903-го и практически весь 1904 г. ушли на самоопределение меньшевизма как течения, причем процесс этот к началу первой российской революции так и остался незавершенным, поскольку рядовые партийцы и рабочие в полной мере не усвоили различий между меньшевиками и большевиками».²⁷

Социал-демократический комитет в Москве, ослабленный полицейскими провокациями и арестами, не был известен в рабочей среде. Он существовал благодаря поддержке учащейся

молодежи и земских служащих.²⁸ Судя по всему, Н. П. Агафонов действительно принадлежал к периферии социал-демократического подполья: выполнял разовые поручения, распространял нелегальную литературу, посещал сходки, но упоминания об этом времени очень размыты и предельно лаконичны.

В феврале 1905 г. он переезжает в Санкт-Петербург, но связи с социал-демократией не теряет. В столице Николай Агафонов квартирует у своего пермского знакомого — Аркадия Трефилова (пермские партийцы знали его как активного комитетчика «Семена Рыжего»)²⁹ Именно в Петербурге Агафонов принял участие в действительно рискованных предприятиях. Он не только содержал конспиративную квартиру, но к тому же занимался транспортировкой оружия и боеприпасов: «...лично сам перевозил оружие и патроны на лютеранское кладбище к сторожу этого кладбища и сдавал ему по указаниям лиц, которые приносили это оружие».³⁰ В конце августа или в начале сентября 1905 г. Николая Агафопова арестовали. Можно предположить, что арест был произведен в связи с поступившей в департамент полиции информацией о причастности его к контрабанде оружия. По воспоминаниям члена боевой группы при петербургском комитете РСДРП В. Е. Лансберга, хранилище на Волковом (лютеранском) кладбище «предполагалось использовать для ожидавшейся большой партии оружия с парохода “Джон Графтон”».³¹ Если бы следствие установило его причастность к боевой организации большевиков, Агафонову, вероятнее всего, грозили бы каторжные работы. Но спасла амнистия — в конце октября содержащийся в «Крестах» заключенный был освобожден. После этого молодой человек возвратился в социал-демократическую среду: «...я продолжал работать в партии при редакции газеты “Новая жизнь”».³²

Начиная с 9-го номера, редактором газеты являлся В. И. Ленин.³³ Редакционный работник

²³ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6961. Л. 84–85. Протокол допроса обвиняемого Нифонта Агафопова.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 5. С. 327.

²⁵ А. П. Струков, член совета Объединенного дворянства, предостерегал: «В нее попадут люди земского типа, которым не дороги исконные русские начала, которые предпочитают им западноевропейские образцы». См.: Петергофские совещания о проекте государственной думы. Какую думу хотели дать народу Николай II и его министры. Петроград, 1917. С. 81, 82.

²⁶ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6961. Л. 84. Протокол допроса обвиняемого Нифонта Агафопова.

²⁷ Тютюкин С. В. Меньшевизм как идейно-политический феномен // Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. М., 1996. С. 20.

²⁸ См.: Горев Б. Перед вторым съездом (воспоминания) // Каторга и ссылка. 1924. № 1. С. 42–66; Орлов В. И. Предисловие // 1905 год. Большевистские листовки и прокламации в Москве и Московской губернии. М.; Л., 1926. С. V.

²⁹ См.: Загуменных М. Былые дни // Борьба за власть. Пермь, 1923. Т. 1. С. 122.

³⁰ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6961. Л. 84. Протокол допроса обвиняемого Нифонта Агафопова.

³¹ Ландсберг В. Е. Повседневная конспиративная работа в 1905 г. // Первая боевая организация большевиков 1905–1907 гг. М., 1934. С. 75.

³² ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6961. Л. 85. Протокол допроса обвиняемого Нифонта Агафопова.

³³ См.: Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917): справочник. М., 1957.

Николай Агафонов непременно должен был встречаться с лидером большевиков. Следовательно, слухи, ходившие об иеромонахе Нифонте в Чусовском районе полтора десятилетия спустя, имели реальные основания.

После закрытия газеты Н. Агафонов еще раз меняет род занятий — устраивается секретарем к вернувшемуся на недолгое время из эмиграции профессору М. А. Рейснеру (он ошибочно назван «Леснером») — юристу по образованию и марксисту по убеждению, большевику по партийной принадлежности.³⁴ Секретарские обязанности Н. Агафонов исполнял недолго — около полутора месяцев, после чего получил новое партийное поручение.

В декабре 1905 г. он вместе с «Семеном Рыжым» (Аркадием Трефиловым) командирован в Поволжье для восстановления организации в Самаре: «Нам были даны явки к какому-то частному врачу, но ничего нам здесь установить не пришлось. Пробыв месяц уже по своей инициативе выехали в начале 1906 года в город Пермь».³⁵

В это же время в Перми работает «товарищ Андрей» (Я. М. Свердлов), он готовит пермских социал-демократов к выборам во вторую Государственную Думу: организует нелегальную типографию и собирает средства для предвыборной агитации: «В частности, на предвыборную кампанию деньги были получены от “ЭКСА” (экспроприации — А. К., О. Л.), сделанного где-то недалеко от Екатеринбурга».³⁶ Н. Агафонов был связным между партийным комитетом и подпольным издательством: «...все, что в ней печаталось, все шло через меня от Трефилова».³⁷ По критериям охранного отделения он являлся «ответственным» членом организации, то есть профессиональным работником партии.³⁸

В марте 1907 г. Пермское охранное отделение произвело аресты членов местного партийного комитета РСДРП. Арестованных Аркадия Трефилова и Николая Агафонова вскоре освободили, причем А. Трефилова — по приговору суда «по недоказанности обвинения»,³⁹ а Н. Агафопова — «т. к. обвиняемые на очных

ставках... не признали».⁴⁰ После разгрома пермской социал-демократической организации пути товарищей по партии расходятся. Аркадий Трефилов становится меньшевиком, сторонником легальной рабочей партии, далеким от всякой подпольной работы. Николай Агафонов первый раз радикально меняет свою жизнь. Он начинает театральную карьеру.

Жизнь вторая, музыкально-драматическая

Несмотря на то что «артистическое увлечение» (по словам самого Н. П. Агафонова) продолжалось около 10 лет, оно не оставило практически никаких следов. Схимомонах Кирилл (так его звали с 1935 г.) об этом времени сообщал скупно и невнятно.

Из протокола допроса ясно, что в конце 1907 г. после разгрома пермского партийного комитета он вернулся в Петербург, где «поступил на музыкально-драматические курсы». Николай Агафонов готовил себя к певческой карьере, ставил голос. Через два года он уже стал хористом в Народном доме Санкт-Петербурга.

Попытаемся понять случившуюся метаморфозу. Социал-демократ, подпольщик, выполнявший рискованные поручения, порывает с прежней средой, забывает о том, что в прошлом он получил звание народного учителя и обладал опытом административной работы. Можно предположить, что к концу 1907 г. Агафонов разочаровался и в людях и в перспективах, поддавшись господствовавшему в революционных кругах настроению. Его товарищ по пермской социал-демократической организации позднее вспоминал: «Нам казалось, что тюрьма, поглотившая “Михалыча” (имеется в виду Я. М. Свердлов — А. К., О. Л.), поглотила с ним всю организацию, всю партию, и революционная борьба замрет на долгие годы. Так оно и случилось. Вотинов и ряд других провокаторов создали гибельную почву для революционного движения на Урале».⁴¹

Впрочем, так было по всей Российской империи: «Разорваны по листику / Программки и брошюры, / То в ханжество, то в мистику / Нагие прячем шкуры. / Славься, чистое искусство...»⁴² Многим искусство действительно казалось спасением. В 1913 г. Н. Агафонов переезжает в Москву, где получает место хориста

³⁴ См.: Майорова Е. В огне революции: Мария Спиридонова, Лариса Рейснер. СПб., 2019. С. 158.

³⁵ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6961. Л. 85. Протокол допроса обвиняемого Нифонта Агафонова.

³⁶ Загуменных М. Указ. соч. С. 123.

³⁷ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6961. Л. 85. Протокол допроса обвиняемого Нифонта Агафонова.

³⁸ ГАПК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 23. Л. 487. Начальник Пермского охранного отделения — начальнику Пермского жандармского управления. Исх. № 609 от 10 апреля 1907 г.

³⁹ Приговор по делу Л. И. Гольдман, О. И. Паглых, Ф. Сергеева и др. 15.09.1909 // Борьба за власть. Пермь, 1924. Т. 2. С. 193.

⁴⁰ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6961. Л. 85. Протокол допроса обвиняемого Нифонта Агафонова.

⁴¹ Глухих Ив. Три встречи (воспоминание о тов. Свердлове) // Борьба за власть. Пермь, 1923. Т. 1. С. 107.

⁴² Саша Черный. Отбой. Стихотворения. М.; Л., 1962. С. 87.

в «Свободном театре» Котэ Марджанишвили.⁴³ Хор в театре был большим, но, по мнению критиков, недостаточно профессиональным.⁴⁴ Привлечь в театр Ф. Шаляпина не удалось, так что сведения об их знакомстве крайне сомнительны.

В мае 1914 г. «Свободный театр» прекратил существование, а Н. Агафонов после его закрытия «участвовал в киносьемках, ездил в Крым, а также был и в драматических труппах, бывал в Харькове, Симферополе, Севастополе и других городах».⁴⁵

В 1916 г. призывной комиссией был мобилизован как ратник ополчения второго разряда, «но по болезни был из армии освобожден и занялся частными уроками как учитель подготовки в учебные заведения».⁴⁶ Осенью 1917 г. он оставил Москву и уехал к матери в д. Старые Ляды Пермского уезда. Мы не знаем, чем он занимался в течение года, с его слов известно только, что участия в революционных событиях он не принимал.

Впрочем, в белом движении Николай Агафонов тоже не был замечен. Более того, на допросе он показал: «При занятии Ст. Лядов белыми войсками в феврале м-це я ушел в монастырь городищенский около завода Чусовой».⁴⁷ Вектор его биографической траектории вновь резко меняется, он получает новое имя и новую жизнь. Из артистического прошлого теперь уже не Николай, а иеромонах Нифонт сохранил актерское обаяние и сценические навыки. «Нифонт во время службы в полном своем величии, могучим, в то же время душезахватывающим голосом произносил трогательные проповеди, донимающие до слез молящихся», — сообщил оперуполномоченному ОГПУ председатель сельсовета С. В. Третьяков.⁴⁸

От социал-демократического прошлого остались бережно хранимые книги (в том числе «Капитал» К. Маркса), навыки агитационной работы, а также нескрываемая оппозиционность к режиму.

⁴³ Об этом театре см.: Левиновский В. Я. «Свободный театр» Котэ Марджанишвили // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2012. № 2. С. 42–77.

⁴⁴ «Певческое искусство здесь в большом загоне, и в “Свободном театре” вокалисты все еще на ученическом уровне и к тому же с очень сомнительной музыкальной подготовкой». В. В. Держановский — И. Ф. Стравинскому. 03.11.1913 г. // Stravinsky I. Selected correspondence. New York, 1982. Vol. 1. P. 61.

⁴⁵ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6961. Л. 85. Протокол допроса обвиняемого Нифонта Агафонова.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 14.

Подведем итоги. Анализ биографии Н. Агафонова позволяет увидеть, как социальный контекст формировал его идентичность. Правильнее сказать — несколько идентичностей. На первом этапе биографии перед нами типичный представитель демократической молодежи из провинциального захолустья, перебравшийся в столицу. Там он нашел круг общения на периферии социал-демократического подполья. В 1905 г. Н. Агафонов делает следующий шаг на пути в профессиональные революционеры. В его биографии этого периода присутствуют все необходимые маркеры: содержание конспиративной квартиры, распространение нелегальной литературы, аресты, транспортировка оружия для боевиков.

После разгрома революции Николай Агафонов расстается с прежней идентичностью без заметных усилий. Он начинает карьеру заново — в артистическом мире — карьеру, прерванную войной. Звездой немого кинематографа он не стал, в историю русского музыкального искусства не вошел, однако в искусство из революционного подполья уходили далеко не все, для этого требовались способности и амбиции. Исход из революционной среды был массовым, и в этом отношении Н. Агафонов был вполне типичен.

На этом фоне прежних судеб, превращение Николая Павловича в иеромонаха Нифонта в феврале 1919 г. явно выделяется. Выбор, сделанный в тот момент, когда российский социум проходил сквозь крупнейшую точку бифуркации в своей истории, можно ситуационно объяснить, но трудно оправдать из ретроспективной позиции исследователя.

Скорее всего, в очередной раз меняя жизненное поприще, Н. Агафонов преследовал две цели: скрыть «неудобное» прошлое и избежать вполне вероятной мобилизации в Сибирскую армию. Ни он сам, да и никто в его окружении не мог бы тогда с уверенностью сказать, кто именно победит в гражданской войне. Поэтому он и сделал последний, совершенно проигрышный в стратегической перспективе выбор, уже необратимый.

Alexander I. Kazankov

Candidate of Philosophical Science, Perm State Institute of Culture (Russia, Perm)

E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Oleg L. Lejbovich

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: oleg.leibov@gmail.com

THREE LIVES OF NIKOLAY AGAFONOV: TRANSFORMATION
OF IDENTITY IN THE AGE OF WAR AND REVOLUTION

The article reconstructs N. P. Agafonov's life story. It aims at determining the relationship between the individual and the social in a person's biographical trajectory, analyzing ego-transformation process in a specific historical context. The research methodology involves the use of autobiographical narrative, formed in the process of investigative actions, carried out by the organs of OGPU—NKVD in 1929 and 1937. N. P. Agafonov's fate is of special interest for historians because during a third of a century he changed his identity three times: at the beginning of the century N. P. Agafonov realized himself as a social democrat, an active participant of the revolutionary underground in St. Petersburg and Perm in 1905–1907. After its defeat, he chose a musical and dramatic career. During the Civil War, he got a haircut as a monk. In the pre-Soviet era, Agafonov behaves like a conformist, whose inner evolution is congenial to the changes taking place in the social circle of democratic youth. The turbulent nature of the events of the Civil War does not allow him to make an artistically reasonable and socially conditioned choice. During the Soviet regime he denounced the collective farm system as a hieromonk, called on parishioners to be strong in faith and expressed hope for the return of the good old times, for which he was subjected to repression by the punitive authorities.

Keywords: 20 century, ego-history, identity, social and individual, social democrat, actor, hieromonk Agafonov, repressions

REFERENCES

- Artemiev A. V. [Hieromonk Nifont (Agafonov): his road from socialism to the cross]. *Vestnik Omskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary], 2017, no. 1 (2), pp. 91–95. (in Russ.).
- Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1972. (in Russ.).
- Kazankov A. I. ["These days someday we will recollect": memorials of the Western Ural provincials about the events of the early twentieth century]. *Tekhnologos* [Tekhnologos], 2019, no. 3, pp. 7–27. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.01 (in Russ.).
- Kazankov A. I. [Two marginals: paradoxes of provincial culture of the first half of the twentieth century]. *Kul'tura i vlast' v SSSR, 1920–1950-ye gody* [Culture and Power in the USSR, 1920–1950s]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017, pp. 252–262. (in Russ.).
- Kostina V. A. *Dukhovnyy plamen' Belogor'ya. Sud'by dukhovenstva i monashestva Zemli Permskoy XIX–XX vv.* [Spiritual flame of Belogorie. The fate of the clergy and monasticism of the Perm Land in the 19th–20th centuries]. Perm: B. i., 2015. (in Russ.).
- Landsberg V. E. [Everyday conspiratorial work in 1905]. *Pervaya boyevaya organizatsiya bol'shevikov 1905–1907 gg.* [The first military organization of the Bolsheviks of 1905–1907]. Moscow: "Staryy bol'shevik" Publ., 1934, pp. 170–176. (in Russ.).
- Le Roy Ladurie E. *Montayyu, oksitanskaya derevnya (1294–1324)* [Montaillou, Occitan village (1294–1324)]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2001. (in Russ.).
- Leibovich O. L., Kazankov A. I. [Understanding the daily life: the heuristic potential of the concept in the studies of the Soviet Era]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2017, iss. 3 (38), pp. 82–88. DOI: 10.17072/2219-3111-2017-3-82-88 (in Russ.).
- Levinovsky V. Ya. [Kote Marjanishvili's "Free Theatre"]. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka* [Theater. Fine Arts. Cinema. Music], 2012, no. 2, pp. 42–77. (in Russ.).

- Levi G. [Biography and history]. *Sovremennyye metody prepodavaniya noveyshey istorii* [Modern methods of teaching modern history]. Moscow: IVI RAN Publ., 1996, pp. 191–206. (in Russ.).
- Mayorova E. *V ognе revolyutsii: Mariya Spiridonova, Larisa Reysner* [In the Fire of the Revolution: Maria Spiridonova, Larisa Reisner]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 2019. (in Russ.).
- Nikulin P. F. *Teoriya i metodika istochnikovedeniya otechestvennoy istoriy X — nachala XX vv. Uchebnoye posobiye* [Theory and methodology of source study of Russian history of the 10th — early 20th centuries. Study guide]. Tomsk: TomGU Publ., 2004, part 1. (in Russ.).
- Orlov V. I. [Preface]. *1905 god. Bol'shevistskiye listovki i proklamatsii v Moskve i Moskovskoy gubernii* [The year 1905. Bolshevik leaflets and proclamations in Moscow and Moscow province]. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ., 1926, pp. I–XIII. (in Russ.).
- Tyutyukin S. V. [Menshevism as an ideological and political phenomenon]. *Men'sheviki. Dokumenty i materialy. 1903 — fevral' 1917 gg.* [Mensheviks. Documents and materials. 1903 — February of 1917]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996, pp. 5–25. (in Russ.).
- Volkov E. V. [Documentary research on the “brother-general”: new biographical studies on the White movement]. *Istoriya i arkhivy* [History and archives], 2020, no. 1, pp. 126–139. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-126-139 (in Russ.).
- Walker D. A. Biography of the Study of the History of Economic Thought. *Research in the History of Economic Thought and Methodology*, 1983, vol. 1, pp. 41–59. (in English).
- Yaroslavsky E. M. *Zhizn' i rabota V. I. Lenina. 23 aprelya 1870 — 21 yanvarya 1924* [Life and work of V. I. Lenin. April 23, 1870 — January 21, 1924]. Leningrad; Moscow: Gosizdat Publ., 1925. (in Russ.).
- Zagumennykh M. [Days of yore]. *Bor'ba za vlast'* [Struggle for Power]. Perm: Zvezda Publ., 1923, vol. 1, pp. 117–141. (in Russ.).